

Глава 1

ХЬЮГО

Декабрь 1944 года

Пора прощаться с жизнью, это было ясно как божий день. Хьюго Лэнгли попытался беспристрастно оценить обстановку. Левое крыло бомбардировщика «бленхейм» горело, и пламя уже лизало стекло. Он оглянулся назад и вверх на штурманскую кабину. Лейтенант Фиппс, его штурман, лежал ничком на своих инструментах. Струйка крови, просочившаяся из-под летного шлема, стекала по левой стороне его лица. И пулеметчик Блэкберн тоже мертв, убит в стрелковом отсеке еще во время налета первой волны «мессершмитов». Хьюго не был уверен, цел ли он сам. Поскольку адреналин все еще кипел в крови, ему сложно было объективно определить свое состояние. Он посмотрел на брюки, заляпанные кровью, гадая, была ли она его собственной, или это кровь Фиппса.

— Проклятие! — выругался Хьюго.

Меньше всего ему хотелось, чтобы все закончилось так нелепо и так быстро. Как-никак он надеялся когда-нибудь унаследовать титул и Лэнгли-Холл и наслаждаться своим положением в округе уже в качестве сэра Хьюго Лэнгли, эсквайра. На мгновение мелькнула мысль о жене и сыне, но их образы почти не вызвали никаких эмоций. У жены все будет хорошо и без

него. Она сможет жить в Холле с его стариком, пока не найдет нового мужа, а что она это сделает, он не сомневался. А сын, странный тихий мальчик, был слишком мал, чтобы помнить отца.

Они считали его героем, а он являлся всего лишь приманкой, жалкой подсадной уткой. Этот вылет на бомбардировку вообще не должен был состояться. Все знали, что «бленхейм» — устаревшая развалина, куда медленнее, чем самолеты противника. И что по пути к цели — железнодорожным коммуникациям Милана к северу от авиабазы под Римом — ему придется пролететь больше ста миль над захваченной немцами территорией.

Хьюго постарался подойти к ситуации рационально. «Бленхейм» не смог бы дотянуть до базы, даже если бы ему удалось заставить старую шарманку развернуться. Это само по себе маловероятно, если учесть, что двигатель горит и одно крыло вышло из строя. Однако оставаться в самолете и падать, поджариваясь в горячей кабине, как курица гриль, он не собирался. Через ветровое стекло Хьюго попытался разглядеть, что за местность внизу, но не увидел ровным счетом ничего. Вокруг — только черная как смоль ночь. Ни звезд. Ни луны. Ни огонька внизу.

Зато и самолеты противника не давали о себе знать. Видимо, как он и подозревал, фрицы решили, что с ним покончено и больше незачем тратить на него время, хотя, может быть, они за ним все-таки следили. Судя по последним вычислениям штурмана, самолет уже должен лететь над Тосканой. Возможно,

даже севернее Пизы, и, скорее всего, все еще над контролируемой оккупантами территорией. Холмистые дикие земли. Есть шанс, что он сможет спрятаться и благополучно добраться до побережья, если ухитрится как-нибудь выпрыгнуть с парашютом и не поджечь при этом купол. Шанс, который стоил риска.

Он нащупал защелку, чтобы откинуть стеклянный фонарь кабины. Защелка легко открылась, но фонарь и с места не двинулся. На мгновение Хьюго охватил леденящий ужас: он оказался в ловушке, обреченный медленно зажариться или упасть на землю в огненном шаре, если баки взорвутся, — это уж что раньше получится. Изо всех сил он уперся руками в фонарь, отжимая его, и стеклянный купол наконец поддался и откинулся. Языки пламени мгновенно метнулись к нему.

— Ну, давай же, давай, — подгонял себя Хьюго. Затем оглянулся на Фиппса. — Прости, старик, но тебя я взять с собой не смогу.

Пальцы, скованные толстыми кожаными перчатками, едва повиновались, пока он снимал свой летный шлем с кислородной маской. Дышать сразу стало намного труднее, но на самом деле он летел не слишком высоко, так что это, должно быть, просто нервы. Хьюго сунул руки в лямки своего парашюта и попытался его закрепить. Казалось, время застыло и он двигается медленно, как черепаха, но в конце концов Хьюго почувствовал, что ремень застегнут. Стараясь не поддаваться панике, он осторожно встал, и левую ногу тут же пронзила боль. Все-таки его зацепило. Что ж, шансов сбежать и спрятаться становилось

меньше, но любой другой вариант был лучше, чем сгореть заживо или разбиться с самолетом.

Если удача ему улыбнется, он окажется на территории, больше не контролируемой немцами. Их отогнали на позиции, которые они называли «Готской линией», на оборонительный рубеж, шедший поперек всего полуострова по линии севернее Пизы, а итальянцы перестали оказывать им поддержку. Хьюго доводилось жить в Италии, и он сомневался, что обычные люди действительно были сплошь фанатичными сторонниками германцев или войны.

Осторожно, то двигаясь вперед, то останавливаясь, он пополз плашмя по крылу подальше от огня, продолжая цепляться за драгоценную жизнь, в то время как ветер пытался стряхнуть его в пропасть. Хьюго слегка колебался, опасаясь, что какой-нибудь из «мессеров» висит у «бленхейма» на хвосте, чтобы расстрелять пилота, если тот прыгнет с парашютом. Но настороженный слух не мог уловить характерного рева винтов вражеской машины, только мерный рокот правого двигателя его бомбардировщика — левый остановился. Хьюго постарался вспомнить единственный короткий инструктаж по прыжкам с парашютом. Как правильно прыгать и сколько секунд надо отсчитать, прежде чем дернуть за кольцо, чтобы купол парашюта не зацепился за самолет. Но мысли безнадежно путались.

Хьюго сделал глубокий вдох и скатился с крыла в темную бездну. Он позволил себе свободно падать несколько долгих секунд, а затем потянул

за кольцо и ощутил рывок, когда парашют раскрылся. Казалось, спуск длится целую вечность. Где-то над головой раздался мощный взрыв — пламя добралось до топливного бака брошенного им самолета. Хьюго видел, как горящие обломки «бленхейма» летят мимо него. Но момент падения самолета на землю он не засек, лишь услышал грохот удара. И почти сразу за этим проступили темные силуэты возвышенностей — навстречу стремительно неслась земля.

Он снова попытался освежить в памяти короткие минуты тренировочного прыжка. Что там надо делать — сгруппироваться? Перекатиться? Кажется, он приземляется слишком быстро. А вдруг парашют раскрылся не полностью или успел обгореть? Хьюго посмотрел вверх и увидел едва различимый бледный круг, парящий над головой. Выглядит целым. Затем посмотрел вниз, пытаясь понять, что там под ним, на земле. Он мог кое-как рассмотреть очертания ландшафта, холмы — вершины некоторых были теперь вровень с ним. И деревья. Чертовски много деревьев! На востоке небо слабо светлело, приближался рассвет, и мрачные громады холмов выделялись резче на этом фоне.

Ни намека на крыши зданий, а тем более город. Что же, это хорошо. Вряд ли его сразу заметят и быстро поймают. Но он может оказаться в ловушке: если парашют застрянет в кроне дерева, придется беспомощно болтаться, пока его не найдут. Он чувствовал, как сердце колотится в груди. Ночь была такая тихая, что на миг ему даже почудилось, что стук

этот будет слышен на много миль вокруг, встревожив любого, кто мог встать в такую рань. Но по мере приближения к земле он начал слышать и другие звуки: шуршание сухих листьев на ветру, скрип веток, лай собак где-то вдалеке. Да, оказалось, что люди почти рядом. И это наверняка крестьяне, которые встают с петухами.

Последние секунды спуска тянулись бесконечно. Хьюго чувствовал себя беззащитной, беспомощной мишенью и представлял немецких солдат, стоящих на земле у своих автомобилей и нацеливших на него винтовки в ожидании, когда он спустится прямо к ним в руки. Теперь он мог лучше разглядеть землю: слева от него виднелось нечто похожее на скалистый утес в окружении возвышенностей более мягких очертаний. И деревья — голые деревья, усеивающие вершины холмов, а внизу — еще больше деревьев, растущих почему-то правильными рядами. Но ни одного поля. Ни одного обещающего беспроблемную посадку местечка. Хьюго мрачно подумал, что разницы, в принципе, никакой. Он все равно не сумел бы направить парашют в нужную сторону.

Земля быстро приближалась. Он мог разглядеть ряды деревьев, тянущиеся перед ним по склону холма. Деревья эти были маленькими, аккуратными, еще не сбросившими листья и явно ухоженными. Нечто похожее на фруктовый сад, а между рядами — пространство, на которое можно было бы попробовать приземлиться, если бы он смог повернуть вдоль ряда. Хьюго глотнул холодного воздуха. Ветви хлестали его, сбивая с курса. Ступни коснулись

земли, а затем ноги подогнулись, и он то ли полетел, то ли поволочился вслед за парашютом.

— Отстегивай парашют, ты, идиот! — заорал он себе.

Он все еще возился с ремешком перемычки, когда его протащило лицом прямо по замерзшей земле, а затем парашют, видимо, за что-то зацепился. Хьюго лежал неподвижно, ощущая запах суглинистой почвы под щекой. Потом пошевелился и попытался встать, но жгучая боль в ноге ослепила его. Последнее, что он услышал, теряя сознание, была песенка какой-то пичужки, приветствующей рассвет.

Глава 2

ДЖОАННА

Графство Суррей, Англия, апрель 1973 года

Сколько я помнила своего отца — он всегда был старым. Старым, желчным, отстраненным и безразличным ко всему отшельником. На моей памяти его волосы неизменно были седыми, а лицо изборождено глубокими морщинами, из-за чего постоянно казалось, что отец хмурится, даже когда он думал о чем-то приятном, а это случалось нечасто. И еще отец прихрамывал при ходьбе.

Вот почему я была не слишком удивлена, получив телеграмму, сообщившую о его смерти. А вот что меня действительно поразило, так это то, что ему было всего шестьдесят четыре года!

Меня раздирали противоречивые эмоции, когда я свернула в знакомую аллею, ведущую к Лэнгли-Холлу. За городом всюю хозяйничала весна. Цветущие примулы усеивали обочины. Первые колокольчики несмело проглядывали в подлеске. Конские каштаны, растущие по обеим сторонам дороги, похвалялись первой ярко-зеленой листвой. Я поняла, что невольно обшариваю ветки взглядом в поисках лаковых коричневых плодов, которым еще только предстоит появиться в этом году. Когда я была маленькой девочкой, деревенские мальчишки приходили сюда с палками, чтобы насшибать

самых больших и крепких каштанов, таящихся в колючей зеленой коже. Потом шалопаи нанизывали плоды на веревочку и высушивали их, чтобы драться этим импровизированным оружием. Я помогала им отыскивать каштаны, но участвовать в битвах мне не разрешали. Отец моего общения с деревенскими детьми не одобрял, хотя жили мы, разумеется, не намного лучше их.

Черный дрозд запел над моей головой, и, если мне не показалось, издалека, из леса, ему ответила кукушка. Вспомнилось, как мы всегда старались услышать первое весеннее кукование. Кажется, про это даже в песенке пелось: «В апреле я начну считать...»

Над миром царила полнейшая тишина, и щебетание птичек едва нарушало ее. Я ощущала, как эхо моих шагов отражается от высокой стены, вдоль которой тянулась аллея. На мгновение мне показалось, что я — единственный человек в этой вселенной, — поразительное чувство после бесконечного шума и суеты Лондона. Неожиданно для себя я осознала, что точно не помню, сколько времени прошло с тех пор, как я последний раз была дома. Год? Больше года? Даже на Рождество я не приехала, потому что отец дал понять, что не желает видеть Адриана, которого не одобрял. А я была слишком упряма, чтобы ехать одной.

Конечно, Адриан сам по себе у отца нареканий не вызвал. Кто мог придрататься к блестящему выпускнику юридического факультета Университетского колледжа Лондона, тому самому, который был принят в качестве ученика в одну из самых выдающихся палат в Темпле¹ и находился на полпути к тому, чтобы стать полно-

¹ Исторический район Лондона, занятый юридическими корпорациями. *Здесь и далее — примеч. перев.*